

Солошек Лев Константинович (автор).
(Этот материал нашел его сын - Дима,
разбирая документы Л.К. после его кончины).

МНИИРС в 1959-1989 гг

Я появился в МНИИРСе (тогда НИИ-695) в 1958г. Это было интересное время, которое сейчас называют «хрущевской оттепелью». После суровых сталинских времен народ понемногу стал оживать, люди смелее стали говорить и общаться, появилась живая и даже «крамольная» литература, начиналась бардовская песня, появлялись интересные фильмы и т.д. В общем, хватка «железного» Феликса на время оказалась ослабленной.

Этот общий подъем не обошел и научную интеллигенцию. Недаром именно в этот период мы слышали о таких выдающихся теоретиках как Ландау, Тамм, Колмогоров, Котельников, Басов, Прохоров и многих других. С тех пор прошло много лет, но такой когорты выдающихся имен в нашем научном мире больше не было. В это же время в многочисленных НИИ и «шарагах» шла практическая реализация научно-технических идей по созданию ракетно-ядерного щита и космической техники страны. Здесь были свои всем известные герои, а еще более – множество безвестных, обеспечивших тогда нашей стране военный паритет с Западом.

В нашей связанной отрасли также назревала революция. Умами тогда владела кибернетика, теория потенциальной помехоустойчивости, возникали новые виды модуляции сигналов (одна ОФТ, предложенная Н.Т. Петровичем, чего стоит), новые физические принципы генерации и усиления (лазеры, мазеры, параметрика, а потом и полевые транзисторы и др.), цифровые принципы обработки сигналов и первые ЭВМ. Развивалась отечественная электронная техника: первые биполярные транзисторы, полупроводниковые микросхемы, мощные электровакуумные приборы (ЛБВ, клистроны) и др. Уже на пороге стояла космическая связь. Предприятий, готовых к освоению новых направлений, не хватало. Тогда (не знаю точно с чьей подачи, но знаю, что отраслью руководил тогда министр Калмыков) было принято решение переориентировать НИИ-695 на космическую связь. Вот в такое переломное время я попал в наш НИИ.

В основном НИИ-695 занимался ближней самолетной связью в УКВ и ДЦВ диапазонах. Разработки носили почему-то наименования деревьев: «Акация», «Рябина», «Дуб», «Эвкалипт» и др. Разрабатывались самолетные радиостанции, содержащие сотни переключаемых каналов связи. Поскольку электронные методы сопряжения частот и перестройки каналов связи у нас только начали осваиваться, поначалу, использовались и электромеханические способы. Вспоминаю, что это была какая-то прецизионная механика. Надо сказать, что в НИИ работали тогда очень сильные конструкторы, способные эти механизмы грамотно разработать. Начальником конструкторского отдела был Шаровский, мужчина видный, представительный с лицом важного сановника, но говорили, неплохой конструктор, один из пионеров внедрения печатного монтажа. Когда нужно было сделать какой-либо внеплановый макет, приходилось проникновенно обосновывать ему научную значимость своей железки; он при этом дымил как паровоз, папиросу за папиросой, держал эффектную паузу, после чего, обычно благосклонно соглашался помочь.

Собрать грамотно механические узлы перестройки частот могли на предприятии только 3-4 слесаря высокой квалификации, которых очень ценили и оплачивали по более высокому разряду. Иной раз приходилось к ним обращаться за помощью при неполадках каких-нибудь домашних механизмов. Денег за работу никогда не брали «Нам за рабочее время зарплату платят, а если ты хочешь меня уважить, то принеси лучше спиртику». Рабочий класс, как правило, выпивал, и спирт был твердой местной валютой. Чтобы добыть спирт, приходилось составлять обоснования на протирку многих квадратных метров волноводов. Спустя несколько лет молодой инженер Владимир Нагорнов при разработке вертолетной станции командной связи «Эвкалипт М-24» полностью перевел все

настроечные узлы приемопередатчика станции на электронное управление, и начальство вздохнуло с облегчением. Монополии механики пришел конец. Но сильный конструкторский отдел сохранился, и это не раз оказывалось решающим аргументом при выборе исполнителя для получения значимого заказа.

Я начал работать, когда директором НИИ был Ефимов. Руководитель сталинской выучки с жесткой хваткой, со связями наверху, хороший хозяйственник, но не из ученого сословия. Именно его заботами было оснащено опытное производство, построен основной корпус, создана структура НИИ, сохранившаяся в основном до 80-х гг. Был при НИИ и режимный отдел во главе со всем известным А.М.Бубениным, который продержался на своем посту до перестроечных времен. Тем более я был удивлен существующими в НИИ порядками. В буфете столовой на выбор продавались коньяк, водка и пиво. Выпить за обедом грамм 50, водки или коньяку не считалось нарушением режима, а о пиве и говорить было нечего. Я для себя объяснял эту вольность тем, что на предприятии работало много бывших фронтовиков, которые не видели в алкоголе ничего предосудительного. Знай только свою меру. В сталинские времена даже на улицах города было много мелких забегаловок, где стояли водочные автоматы и продавали бочковое пиво. Сохранились такие в 50-е гг и на ул. Б. Калитниковской, куда во время обеденного перерыва забегали особо страдающие сотрудники.

Но времена менялись. Через некоторое время водка из нашего буфета была изъята. Нам объясняли, что отдельные рабочие так злоупотребляют спиртом, что на пути домой не могут вписаться в «вертушку» проходной. А на допросе отвечали, что, выпили водочки в своем буфете, вполне, дескать, легально. Впрочем, коньяк и пиво долго еще радовали народ, пока и с ними не разделались.

Среди инженерного персонала пьющих почти не было, но у нас были свои развлечения. Мы использовали обеденный перерыв, чтобы погонять футбольный мяч. Слева от «Птичьего рынка» был пустырь, где мы соорудили подобие ворот. Играли отдел на отдел. Потом потные и грязные умывались и шли обедать. Итого 1,5-2 часа на обед вместо одного. Другая публика в это же время рубилась в пинг-понг или в шахматный блиц на вылет (столики стояли в конференц-зале), далеко заходя за обеденное время. Вспоминаю как Сашу Соморова после вызова к директору секретарша нашла, наконец, часа в три у стола для пинг-понга, после того как обегала все лаборатории. Мы подшучивали над Сашей по этому поводу, а он получил свое от директора. В конце концов, терпение у нашего либерального начальства лопнуло и столы убрали. Правда, справедливости ради надо сказать, что и уходили ведущие специалисты домой далеко позже своего рабочего графика. Впоследствии формальные требования режима все более усиливались, но к производительности труда научных работников это отношения не имело. Даже наоборот, именно в тот вольный период, уже после ухода Ефимова, НИИ достиг своих наиболее значимых творческих высот; но справедливости ради заметим, что известный свисток первого спутника («Бип-бип-бип») был изготовлен еще при Ефимове.

Вернемся, однако, к нашим директорам. Когда у НИИ начали появляться новые научные задачи, нам заменили директора. В 1958г Ефимова отправили руководить большим серийным заводом (он там был на своем месте), а у нас где-то на полгода появился Б.М.Коноплев – специалист по системам радиоуправления ракетными комплексами. Он был крупной фигурой в НИИ-885 (ныне РНИИ КП), но разошелся с Пилюгиным в творческих идеях, а потом и лично, и подыскивал приложение своим силам. Лично я с ним никогда не общался, видел иногда при проходе через 2-й (директорский) этаж его высокую фигуру. Отзывы наших специалистов о нем были самые положительные: умный, грамотный, авторитетный. Мой тогдашний начальник И.М.Айнбиндер считал Коноплева личностью масштабной. Наверное, так считало и руководство ВПК, поскольку его вскоре перевели от нас Ген.директором харьковского НИИ-692 для разработки систем радиоуправления ракетами. Судьба его была трагической, он вскоре погиб на стартовом комплексе в Байконуре в результате известной аварии ракеты «Р-5». Несмотря на короткое

время своего руководства Коноплев многое успел сделать. Было создано системное подразделение с перспективой развития космической связи, сочинялись эскизные проекты по перспективной тематике, шли постоянные обсуждения на НТС и т.д. Научные идеи и интересы сотрудников НИИ стали ориентироваться на космическую связь.

Начали появляться первые, пока фрагментарные, разработки (Несвит, Соморов: радиолиния передачи данных с лунного зонда). Широкое развертывание работ по космической связи состоялось уже при следующих директорах. Следуя методу С.Щедрина, который описывал меняющихся градоначальников известного города, попытаюсь описать своих директоров, какими они остались в моей памяти.

Следующим директором НИИ в 1959г стал Л.И.Гусев. Говорили, что он был партийным выдвиженцем. До нас он возглавлял партийную организацию НИИ-885. Должен сказать, что это тот редкий случай, когда партийный выбор пал на достойного человека. Гусев не был глубоким специалистом в вопросах связи, но он умел слушать и быстро освоился. Основным достоинством Л.И. было создание среди руководящего состава НИИ бесконфликтной, дружной, рабочей обстановки. А ведь у нас были такие корифеи как Ю.В.Быков и М.Р.Капланов, каждый из которых по творческому потенциалу его превосходил. Как-то они мирно разделили между собой сферы деятельности и друг друга взаимно «уважали».

Л. И. придерживался поначалу демократических методов руководства. Свое знакомство с коллективом Л.И. начал с хождений по «по низам». Зашел в наш сектор, сел на стол и стал выспрашивать, чем занимаемся, попутно узнал для себя много нового. При аналогичном заходе в отдел-62 произошел известный казус с вед.инж. Орловым. Так же, как и у нас, Л.И. неожиданно зашел в одну из комнат отдела и стал интересоваться работой сотрудников. Орлов, который никогда не видел нового директора, возмутился вторжению постороннего человека и спросил «Ты кто такой?». Л.И. скромно ответил, что он Гусев. «Ну и что?», сказал Орлов, «Ты Гусев, а я Орлов и освободи помещение!». Л.И. не стал вступать в разъяснения и вышел. История обошлась Орлову без последствий.

С Л.И. связана еще одна частная история - прием на работу в наш сектор техника Юры Коптева. Юра работал телефонным мастером в МГТС и неплохо зарабатывал, но был любознательным юношей и тянулся к радиотехнике. Однажды по вызову на ремонт он попал в дом к Л.И. Восстановив телефон, он, заодно, отремонтировал (бесплатно) домашний телевизор. Л.И. впечатлился и предложил Юре: «Приходи», говорит, «в мой НИИ, будешь наукой заниматься». Но о меркантильной стороне вопроса Л.И. забыл. Юра постеснялся спросить, а Л.И. вообще о таких мелочах не задумывался. И когда Юру направили из отдела кадров в наш отдел, выяснилось, что перейдя в НИИ он снизил свой доход в 1,5 раза. И долго еще потом мы ходили по инстанциям, и выклянчивали для него адекватную добавку к зарплате.

В 1965г Гусев был переведен в зам.министры отрасли, и директором был назначен Ю.С.Быков. Ю.С. был соратником Королева, авторитетной фигурой, ему удавалось сохранять, творческий, и в то же время достаточно вольный стиль работы научных сотрудников НИИ, несмотря на все увеличивающееся давление надзорных (партийных, режимных) органов. Надо сказать, что период директорства Л.И.Гусева и потом Ю.С.Быкова был наиболее плодотворным для НИИ, как, в научном направлении, так и в реализации серьезных ОКР по космической тематике. К примеру, получило дальнейшее развитие предложенных Н.Т.Петровичем в 1954г идей по передаче сигналов методом ОФТ, д.т.н. Мешковским были развиты идеи применения ШПС для космической связи, д.т.н. М.С.Немировским совместно с Л.Н.Волковым (тогда еще к.т.н.) обоснованы принципы построения системы космической связи ЕССС с обработкой на борту ИСЗ, начата практическая реализация этой системы связи, в которой МНИИРС был головным предприятием. Коллективом НИИ были разработаны бортовые ретрансляторы для первых гражданских и военных спутников связи серий «Молния» и «Глобус», разработано оборудование голосовой связи с космонавтами по темам «Заря» (вспомним знаменитое «

Поехали...»), «Восход», «Аполлон-Союз» , а также много других удачных и значимых разработок, всего не упомянешь.

Как-то все сошлось: интерес и поддержка верхами космической тематики, грамотные и нормальные (в плане взаимодействия с коллективом) руководители и сам коллектив НИИ, в основном молодежный, энергичный, но уже достаточно квалифицированный. Назначенный после ухода Гусева директором НИИ Ю.С.Быков был человеком разносторонним, высокой культуры старой академической школы, с мягкой интеллигентной манерой разговора. Он увлекался горным туризмом и неоднократно интересовался у меня какими-то деталями известных мне маршрутов. В горах он и умер. На одном из перевалов дала знать о себе сердечная недостаточность. Как директор он должен был заниматься всеми проблемами НИИ, но его главная ответственность была за радиосвязь с космонавтами. Как пишет в своей книге «Ракеты и люди» Черток, он был одним из Главных конструкторов, к которому Королев испытывал полное доверие. Но какого здоровья стоило для Ю.С. это доверие, можно только догадываться.

Ответственным за направление космической связи в НИИ был М.Р.Капланов. При Гусеве и Быкове он занимал должность зам.директора по научной работе, но фактически был на одном с ними уровне, и полностью самостоятельным в своем направлении работы. В руководстве отрасли с этим двоецарствием мирились, а в НИИ, благодаря тактичности М.Р. конфликтов не возникало.

Капланов был человеком неординарной судьбы. Сын кумыкского князя, хотя и поддержавшего советскую власть, но все равно репрессированного в 1937г, он должен был по рекомендациям того времени отречься от отца. Но горские традиции такого бы не простили. В результате после окончания МЭИ в 1938г непослушный М.Р. был отправлен в лагерь. В 1943г его взяли из лагеря в действующую армию, а в 1944г он попал под проводившийся тогда отзыв специалистов из армии, демобилизован и принят на работу в прообраз будущего НИИ-695. (Какой же был голод на специалистов, если приняли на работу сына врага народа!). Он проявил себя неплохим инженером, поучаствовал в соавторстве с Левиным в написании монографии по теории автоподстройки частоты, но главная его сила заключалась в организационных способностях. Годы, проведенные в лагере, его не сломали и научили к выживанию в советской системе.

Когда я появился в НИИ, Капланов занимал должность зам. главного инженера, а главным инженером был некто А.Д.Князев – человек сухой, педантичный и очень законопослушный. Полная противоположность Капланову, человеку живому, прагматичному, для которого все средства, ведущие к цели, хороши. И жили они как кошка с собакой, а на проводимых в НИИ НТС их взаимное подкалывание веселило присутствующую публику. Со слов знающих старожилов, неприязнь возникла при разработке танковой станции ближней связи, Главным конструктором которой был Князев. Разработанная станция серьезных пороков не имела, так, по мелочи. Но пройти успешно все испытания, предписанные правилами наших ГОСТ и ОСТ, не успела. Сроки ОКР оказались сорваны, и Ефимов по линии министерства получает взыскание. Князев предлагает устранить недостатки путем некоторой доработки матчасти станции. Но доверия к нему уже нет и Ефимов меняет Главного конструктора, ставит Капланова вместо Князева. М.Р., оставив станцию без радикальных изменений, использовал личные связи в министерстве и в приемке, с кем надо провел разъяснительные беседы в ресторане. В результате, испытания зачли, директор был спасен, станция принята на вооружение и нормально работала в войсках. Бывший разработчик Князев исполнился негодованием, считая, что его несправедливо обошли. Но, как говорится, победителей не судят. Уже при мне Князева по достижению пенсионного возраста понизили в с.н.с., а главным инженером стал Капланов.

При директорстве Гусева Капланова назначают его заместителем по научной работе, ответственным за космическую связь. Он был Главным конструктором ОКР «Молния-1», а позже ЕССС, и формально отвечал только за тематику МНИИРС. Но как руководитель

головного предприятия – и за работу смежников: Красноярск в части собственно ИСЗ и НИИ-885 в части КИК. Капланов принимал самое непосредственное участие в разработке основных технических решений на системном и аппаратурном уровне. В те времена работы по космической тематике находились под самым жестким контролем и прессингом ВПК. На руководителей предприятия ложилась очень серьезная ответственность выполнение ОКР. Что удивительно, М.Р. при руководстве такими ответственными работами не был членом партии, ситуация для того времени уникальная.

Мне неоднократно приходилось общаться с М.Р. на рабочих совещаниях. Он говорил мягко, вежливо, выслушивая присутствующих в режиме диалога, советуясь тут же с профильными специалистами. Но, когда решение, наконец, логически вызревало, дальнейшие споры прекращались. В М.Р. чувствовалась сила, основанная не столько на авторитете начальника, сколько на интеллекте руководителя. Впоследствии такую силу я ощущал у Биленко, только, к сожалению, жесткую без присущей М.Р. мягкости и интеллигентности. Если, в силу обстоятельств, я попадал к М.Р. в кабинете один, он разрешал себе иногда благодушные и высказывание сентенций в порядке поучения несмышленишка знающим жизнь человеком. Кавказская закваска в нем чувствовалась, мог много выпить, произносить цветистые тосты, увлекательно рассказывать смешные истории и анекдоты. На банкете в «Арагви» по поводу защиты моей и Леши Касаткина диссертаций М.Р. был в ударе, взялся быть тамадой, а в заключение вечера исполнил лезгинку с ножом в зубах. Живой был человек. Зрительно вспоминаю, как в обеденный зал старой столовой, где все мы в это время обедали, врывалась солидная фигура М.Р. (он был под 190 см). Он обедал в общем зале, но за отдельным столиком. Ему тут же приносили стопку коньяку и закуску. Так как обедать одному было скучно, он иногда громогласно приглашал кого-нибудь из сотрудников за свой столик, пообедать совместно, заодно и обсудить текущие дела.

По разделению обязанностей среди руководства М.Р. отвечал за номенклатуру руководителей аппаратурных, комплексных и системных отделов, работающих по космической тематике. Главным конструктором БРТР «Альфа» для первого спутника связи «Молния-1» был назначен Иван Богачев, который с группой молодых инженеров перешел к нам из МЭИ. В их числе Г.А.Курочкин, Аза Никулина и др. Богачев еще в свою бытность в МЭИ активно развивал идеи космической связи. Переход в МНИИРС позволил ему реализовать свои задумки на практике.

Но поток ОКР по развитию космической связи нарастал, возникали задачи как гражданского, так и военного назначения. Специалистов для конкретного освоения новой тематики поначалу не хватало. М.Р. провел ряд мобилизационных кадровых решений, «раздел» некоторые отделы, высвободив толковых специалистов для освоения новой тематики под своим руководством. Можно вспомнить таких выдвиженцев М.Р., как Б.И.Чирков, М.С.Немировский, И.М.Айнбиндер, В.И.Могучев, Л.Н.Волков, А.Г.Орлов, А.В.Касаткин, составивших «ударную команду» Капланова.

Выдвижение Саши Орлова Главным конструктором бортового ретранслятора ИСЗ «Молния-2», а затем и «Молния-3», было совершенно неожиданным. Прежний Главный конструктор Р.Л. Дробкин был высококвалифицированным специалистом, но вынужден был уйти из НИИ из-за неприятностей по линии режимного отдела. М.Р. бросил на прорыв молодого инженера А.Г.Орлова. К этому времени Орлову было 32 года и только 5 лет стажа. Выбор оказался правильным. В дальнейшем Орлов станет не только Главным конструктором РТР для ИСЗ «Молния-3», но, в более поздние времена, возглавит разработку бортовых ретрансляторов (уже в составе РКК «Энергия») для коммерческих ИСЗ серии «Ямал100» и «Ямал-200». Он же возглавил разработку первой отечественной морской станции космической связи (ОКР «ВОЛНА»). Разработкой РТР «Цитадель» в интересах ЕССС с аппаратурой обработки сигналов, размещаемой на борту ИСЗ типа «Глобус», руководил В.Могучев.

Разработка бортовых ретрансляторов шла в НИИ непросто. Возникало много технических проблем, обусловленных спецификой эксплуатации оборудования на борту ИСЗ. Вспоминаю техническое освоение передатчиков на ЛБВ для ИСЗ «Молния 1» (Работой руководил опытный специалист отдела-62 Е.Л.Богатов). Система охлаждения ЛБВ использовала теплоноситель, близкий к керосину. И как не береглись, а один раз эта конструкция рванула. К счастью серьезно никто не пострадал.

С самого верха была поставлена задача обеспечить запуск ИСЗ к 50-летию Советской Власти. Мы работали, не считаясь с рабочим графиком и днями отдыха. И akurat к 50 летию Сов. Власти спутник «Молния-1» выдал на Дальний Восток телевизионную картинку парада на Красной площади. Были положительные эмоции и чувство удовлетворения хорошо выполненной работой. За первым связным спутником последовали «Молния 2» и «Молния 3». Через 2-3 года в космическую связь включился НИИ-Радио, он принял на себя выполнение гражданских задач, оборонная тематика осталась за МНИИРС.

Напряжение этих бурных лет не прошло для М.Р. безболезненно. Кавказское здоровье не спасло М.Р. от инфаркта – главной болезни Главных конструкторов. После этого Капранов решил уйти в МИРЭА на преподавательскую работу.

После неожиданной смерти Ю.С.Быкова НИИ короткое время руководил некто Иванов, бывший директор ВДНХ. Он был «номенклатурной величиной», куда-то ведь нужно было его определить. Ну куда ж ему, бедному, было податься, как не в МНИИРС? Но, когда Иванов осознал, чем ему предстоит заниматься, притом, что ни один вопрос он не в состоянии был решить, он срочно заболел, и больше мы его не видели.

После Иванова директором был назначен С.П.Дубонос, который до этого руководил нашим антенным филиалом в Бутово. У Дубоносова опыта серьезных разработок в области связи не было, он был «свой», вот и все его заслуги. Очень быстро выяснилось, что директор, мягко говоря, слабоват. По существующей традиции, он, как директор головного НИИ, был назначен Главным конструктором ЕССС – большой и серьезной работы, в которой участвовало много смежников. Ему приходилось оперативно взаимодействовать с другими, маститыми директорами предприятий по тематике ЕССС. У него были хорошие советчики: Немировский, Камнев, Чирков, Белов и др., но не имея своих идей, не имея в своем послужном списке опыта серьезных разработок он, за пределами МНИИРС, авторитетом не пользовался и чувствовал себя неуверенно. Да и в плане руководства коллективом он, можно сказать, «передал управление на места». Но задел от предшественников руководителей НИИ был настолько весом, что какое-то время можно было работать по инерции и даже ордена получать. Со временем слабость директора стала для ВПК слишком очевидной, и стали нам подыскивать «сильного» директора.

В этот период научное руководство НИИ было возложено на Е.Ф.Камнева. Е.Ф. был безусловно эрудированным специалистом, автором нескольких печатных трудов, в том числе совместно с Н.Т.Петровичем, и монографии. В НИИ он (сначала с Н.Т.Петровичем, а затем самостоятельно), вел работы в интересах дальней правительственной связи. По началу это была связь на КВ и СВ волнах. На нашем антенном полигоне в Бутово были развернуты тщательно охраняемые поля антенн. В это время директором в Бутово был Дубонос, и его производственное взаимодействие с Камневым было самое тесное. Возможно, это и стало причиной выдвижения Е.Ф., хотя в НИИ были и другие достойные кандидатуры. Е.Ф. затеял какие-то преобразования, создал новые подразделения по близкой ему тематике, чуть не каждый день проводились бурные обсуждения перспективных работ, было много споров, много шума и суеты. Но он не смог консолидировать вокруг своих идей наш маститый научный мир, в котором каждый ученый видел только свою правду. Поэтому его бурная деятельность не привела к адекватному результату. Справедливости ради, надо сказать, что при Е.Ф. правительственная тематика в МНИИРС получила дальнейшее развитие, теперь уже в космическом сегменте. В частности, упомянем ОКР «Астероид» (Главный конструктор В.Фетисов) в целях

обеспечения самолетной линии космической связи в международном диапазоне волн. Самолетная антенна изделия была выполнена в варианте АФАР. Эти работы не раз выручали НИИ в трудные годы безвременья. После прихода Биленко творческую деятельность Е.Ф. пришлось свернуть. Он ушел из НИИ, продолжая на другом предприятии свое традиционное направление работ; но без поддержки такой могучей структуры, как МНИИРС, заметных результатов не добился.

В 1977г директором НИИ был назначен Антон Петрович Биленко, д.т.н., лауреат госпремий и т.д. До этого он руководил Воронежским НИИС (ныне небезызвестный концерн «Созвездие»). Был Главным конструктором многих серьезных разработок военной связи. ВНИИС не занимался космической тематикой, но квалификация его специалистов вряд ли уступала нашей. Лично мне приходилось общаться с его сотрудником Борисовым, он был тогда нач. отд. приемных устройств ВНИИС, и он показался мне весьма квалифицированным специалистом.

Биленко вырос в ВНИИС, он там был, как говорится, «царь и бог». Что его понесло в Москву, трудно сказать. Уговорили верхние начальники, научно-технический или материальный интерес, а может тщеславие (Москва! Столица!), кто знает. Так или иначе, но он прибыл с карт-бланш навести порядок в нашем разболтанном заведении. Руководитель опытный, он начал ознакомление с коллективом и работами, проводимыми в НИИ, в форме рабочих совещаний, на которые приглашались руководители подразделений. Те в свою очередь знакомились с директором, его стилем работы. Совещания проводились в форме докладов руководителей и сопровождалась жесткой, часто несправедливой, оценкой их работы, можно сказать, разносом. У кого-то действительно были проблемы со сроками, подвели смежники или опытное производство, но объективные причины в оправдание не принимались. Кроме того в общении с Биленко нужно было досконально знать все детали состояния проводимых работ, общими словами не отобъешься. Потом мы уже поднаторели, тщательно готовились к совещанию, детально изучали планы и графики работ, общались со смежниками и т.д. В наихудшем положении на этих посиделках оказались начальники высокого уровня, которые мелкими деталями работы просто не владели. Особенно жестким был натиск на руководителей системных подразделений, особенно на Камнева, которого А.П., по-видимому, сразу включил в персоны нон-грата. Биленко не нужны были другие, кроме него самого, системные идеологи. К аппаратным специалистам А.П. относился гораздо терпимее, без них ему было не прожить. Что касается Камнева, то вокруг него была создана атмосфера изоляции и мелких придирок, и он, в конце-концов, покинул МНИИРС «по собственному желанию». Уволились еще несколько квалифицированных сотрудников, в числе которых был нач. НИО-4 А.Белов, который был самый смелый и говорливый на наших совещаниях и себя в обиду не давал, и нач. НИО-2 Б.Чирков.

Белов и Чирков были кадровыми сотрудниками НИИ и их вклад в достижения МНИИРС достоин упоминания. Борис Чирков был назначен на должность руководителя системного отдела еще Каплановым. В НИИ он занимался организационно-техническими вопросами по спутниковым системам связи через бортовые ретрансляторы нашей разработки, а в последнее время занимался ЕССС. Откуда его вытащил к нам Капланов, я не знаю. Кто-то говорил, что из КГБ. Мне это не известно, но что он был непотопляем, это точно. Чирков не был ученым (для науки достаточно было М.Немировского), но он обладал своим виденьем технических задач и решений, а главное, он был вхож в верхние этажи нашей отрасли и тем самым помогал решать возникающие системные проблемы в интересах НИИ. Будучи человеком открытым, доброжелательным, бесконфликтным, он всех устраивал, и руководителей, и подчиненных, и смежников. Но Чирков был руководителем самостоятельным, человеком независимым, что со стилем управления Биленко плохо вязалось. В конце концов Чирков по собственному желанию перевелся из МНИИРС то ли в ГПКС, то ли в «Интерспутник», занимался там международной спутниковой координацией, разъезжал по международным симпозиумам и конференциям,

неплохо зарабатывал, заодно плавал, загорал, играл в теннис, вел, одним словом, красивую жизнь. Может быть это было как раз то, к чему он стремился.

Саша Белов начинал свою деятельность в МНИИРС в качестве нач.отдела СВЧ узлов в нашем антенном филиале в Бутово. Молодой Саша Белов был заряжен энергией как динамо-машина. У него в отделе было несколько очень квалифицированных молодых инженеров. В отделе разрабатывались СВЧ фильтры, различные узлы АФУ, фазовращатели и некоторые другие узлы ФАР и АФАР. Все это на хорошем техническом уровне.

Бутовский филиал был первоначально предназначен для отработки параметров антенн. Большая зеленая территория подходила для измерений и испытаний антенн в дальней зоне. Для измерений антенн на территории воздвигались вышки с крытыми будками наверху. Как я выше упоминал, там находились также антенные поля КВ и УКВ антенн правительственной связи. Но главной достопримечательностью филиала был большой яблоневый сад, примыкающий к производственному корпусу. Вспоминаю солнечный майский день в Бутово. Я обсуждаю технические вопросы по разработке фильтров с Грибовым (он работал в отд. Белова). Свой рабочий стол Грибов переместил в сад. Белая кипень цветущих яблонь, пчелки летают (там и ульи были), чистый воздух. Как я тогда ему завидовал.

Насколько я помню, на филиале было три направления разработок: антенны, узлы СВЧ, и «физики», которые пытались организовать связь с подлодками разными экзотическими средствами, такими как зеленый лазер, а то и с помощью телепатии. По территории филиала скакали подопытные кролики с вживленными в голову разъемы. С кроликами пытались установить телепатическую связь. Когда эта «научная» афера рухнула, кролики куда то пропали. Говорят, попали в котел местной столовой.

Когда в НИИ начались комплексные испытания изделий с антеннами ФАР и АФАР, и стало трудно определить, где кончаются узлы и начинается комплекс, Камнев (еще при Дубоносове) перетащил Белова в основное здание НИИ в качестве нач. аппаратного подразделения НИО-4, как молодого и энергичного руководителя, к тому же досконально знающего СВЧ технику. Помимо комплексов самолетных станций спутниковой связи с ФАР и АФАР, в НИО-4 было много и других, неведомых Белову работ, но, считали, что с его эрудицией он сможет во всем разобраться. Проявить себя так же ярко, как в Бутово, в НИО-4 Белову не пришлось. После некоторых стычек с Биленко, он решил уходить к своему бывшему шефу Камневу. Уходили и некоторые другие сотрудники, склонные более к научной и кабинетной, чем к производственной деятельности. При Биленко стало меньше научных дискуссий и споров, технические вопросы стали решаться на узких совещаниях у директора. Стиль работы стал более деловым, но стало поскучнее.

Антон Петрович Биленко я бы характеризовал так: умный, жесткий, волевой, специалист высокой квалификации в нашей области знаний с огромным организационным опытом руководителя в реалиях Советской власти 50-70-х гг. Он начал свою деятельность в МНИИРС с явного желания встряхнуть коллектив, заставить этих «лентяев» работать с большей отдачей. Но не очень получалось. Приведу услышанное мной высказывание А.П. на одном из совещаний «А как вами руководить? У всех дачи, машины, там ваши мысли и устремления, а на работе вы отбываете повинность».

А.П. был авторитетен, его боялись, но теплых чувств к нему не испытывали. Он при мне с горечью кому-то говорил «Я для вас чужой». При нем нельзя было расслабиться, чувствовался постоянный дискомфорт. А может и должен руководитель быть таким, парящим сверху, равноудаленным от всех? Кто знает? По мере того, как А.П. знакомился с коллективом, он мягчел, становился более человечным. К тому же и у него появился интерес к квартире и к даче. И к трудоустройству сына. Ничто человеческое оказалось А.П. не чуждым.

Главным инженером после Камнева был назначен Аркадий Васильевич Лисин, который был к этому времени Главным технологом предприятия. А.В. был фигурой очень влиятельной. Его блестящая карьера началась, когда он был выбран председателем

Профкома. В те времена государство на социальные нужды таких организаций как МНИИРС средств выделяло немало. В сферу заботы профкома входили и наш пионерлагерь, и наш детский сад, и обеспечение жильем нуждающихся сотрудников (у нас был свой список очередников), и касса взаимопомощи, и организация отдыха и досуга (соцстраховские путевки в дома отдыха, санатории, спортлагеря), и спортивная и культурная работа и т.д., всего не упомнишь. Так что председатель Профкома был большой человек и имел доступ к большим материальным ресурсам.

А.В., как профсоюзный начальник, смог поставить себя в НИИ достаточно самостоятельной фигурой, с которой начальство считалось. После отхода от профкомовских дел А.В. был назначен сначала нач. технологического отд. микроэлектроники, а затем, кажется, при Дубоносове, Главным технологом МНИИРС. Насколько я помню, он руководил технологическим оснащением нового корпуса микроэлектроники. При его руководящем участии шло строительство опытного производства НИИ на территории нашего филиала в Бутово.

Были у А.В. увлечения, типа охота, рыбалка, баня. На этой ниве у него был круг друзей, куда входили, в том числе, и некоторые чиновники из нашего министерства. Где-то, километров за 100, они снимали охотничий домик (думаю, за личные деньги), где получали свое удовольствие. Я рассказываю это только к тому, что А.В. имел влиятельных друзей в министерстве и не только. И, когда у Биленко возникли проблемы с московской квартирой (в Москву пригласили, а квартиру не предоставили), А.В. использовал все свои связи и возможности, чтобы вопрос решить. У Биленко А.В. стал правой рукой по производственным вопросам и пользовался полным доверием. В конце 80-х у Биленко возникли проблемы с сердцем, он стал сдавать. Иной раз жалко было смотреть на некогда могучего Главного, как он неуверенно шагает по переходу в корпус столовой, и собеседник слегка его страхует. А.В. приходилось все чаще замещать Биленко и брать на себя решение текущих вопросов. Поэтому, после ухода Биленко (а это он решил сам) назначение А.В. Гендиректором не вызвало удивления.

Но, с другой стороны, назначение руководителем такого сильного научного коллектива человека, пусть энергичного, дельного и, по-своему, неглупого, но далекого от науки, скорее хозяйственника, предрешила печальную судьбу МНИИРС. Как бы ни относиться к личности Биленко, он был человеком творческим, увлекающимся, которому было интересно делать дело не только ради денег. А.В. же был, человеком прагматичным, наука для него была только средством существования «хозяйства». Когда начался период слома системы, заказы стали сокращаться, заработки падать, специалисты стали уходить кто куда, А.В. не стал бороться за сохранение научного коллектива. Он принял путь акционирования НИИ, последующего за этим разграбления, в том числе и в своих интересах, и, как следствие, упадка научно-технического потенциала НИИ.

А ведь были и другие примеры. РНИИ КП, «Радиофизика» и некоторые другие, стиснув зубы, вытерпели тяжелые времена, сохранили основные научные кадры. Теперь они - ФГУП и получают Госзаказы. В МНИИРСе же, после тяжелого лихолетья, кое какие островки научной среды остались, но восстановить в прежней своей силе НИИ в ближайшее время невозможно.

А.В. был человеком государственным, в том смысле, как это понимают чиновники, которые рьяно поддерживают устоявшийся порядок, к которому они привыкли, и который они умело приспособливают в свою пользу. Когда началась смута конца 80-х, А.В. впал в некоторую растерянность. Он очень обрадовался, когда Янаев и компания попытались взять власть. А.В. собрал тогда руководящий коллектив в конференц зале и держал речь. Он сказал тогда, что вернулись прежние времена. «Будем работать как раньше, а всех этих мэров и херов выбросим на помойку». Но через пару дней власть переменялась, и пришлось приспособливаться к новым условиям жизни, что А.В, впрочем, блестяще удалось.

Пожалуй, на этом мое описание деяний А.В. следует закончить, т.к. я на финише его карьеры в НИИ уже не работал. Пусть свою информацию добавят другие свидетели.

В эпоху Гусева-Быкова-Капланова-Биленко МНИИРС, даже по масштабам того времени, был солидным предприятием. Число работников – 3-4 тыс. человек. Число научных работников со степенями докторов и кандидатов наук достигало 40-50 человек, был свой Ученый Совет. Разработка устройств и систем космической техники связи проводилась составом квалифицированных специалистов разных направлений радиотехники, конструкторов и технологов. Об уровне специалистов МНИИРС косвенно свидетельствует тот факт, что при переходе в другие НИИ, они там оказывались востребованными и занимали вполне достойные позиции в новых коллективах.

В НИИ традиционно был сильный состав конструкторов и технологов. В специализированном технологическом подразделении проводились разработки микроэлектронной и микромодульной техники унифицированных и специализированных узлов и микромодулей различного функционального назначения в различных диапазонах волн. Для изготовления опытных образцов разрабатываемых изделий НИИ имел опытное производство, сначала это был старый корпус на Б.Калитниковской, а впоследствии современный завод на территории Бутовского филиала.

Был также построен новый корпус под развитие микроэлектроники, который функционирует и поныне. Для изготовления серийных изделий нам обычно предоставлялись Ярославский и Молодечненский радиозаводы нашей отрасли. Неплохие, кстати, заводы, но освоение изделий, тем не менее, шло медленно и мучительно, и наши инженеры пропадали там месяцами. Вспоминаю и свои мучения на Ярославском заводе. В то время в рамках I этапа ОКР ЕССС срочно разрабатывался центральный узел системы связи (ЦУСС), и нашему отделу поручили разработать и освоить на Ярославском заводе возбудитель частоты наземного передатчика. Времени на макетирование практически не было. Но после бортовой техники, разработка наземки представлялась нам делом простым. Завод изготовил материальную часть, как говорится, с листа и мы стали регулировать. Увы, прогулки не получилось. При климатических испытаниях в отрицательных температурах цепочка умножителей частоты развалилась. Нужно было в условиях завода срочно найти техническое решение. Начали макетировать. Климатические камеры на заводе были заняты выпуском плановой продукции, нам их не давали, и мы придумали проводить испытания при отрицательных температурах, высовывая наши макеты на открытый воздух через форточку, благо в начале декабря температура на улице была вполне отрицательной. Оперативно подобрали термостабилизирующие цепочки, и проблема была решена. В этой эпопее участвовали мои (тогда) сотрудники Гена Курочкин, Володя Чекавцев и Юра Коптев. Огромную помощь в оперативном решении организационных вопросов, то и дело возникавших при выпуске изделия, оказывал тогдашний директор завода В.Марголин – достойный представитель славной когорты «красных» директоров, на энтузиазме и хозяйственной сметке которых и держалась наша промышленность в 60-х - 70х годах.

Помимо основных подразделений в НИИ была развитая периферия: вычислительный центр, плановики и «финики», архив и нормоконтроль, хозяйственники и снабженцы, (тут сразу вспоминаю нач. отд. комплектации Иванову Тамару Ивановну - женщину видную, красивую, и которая к тому же могла достать любую комплектацию), кадровики, охранники и многие другие службы, всего не упомнишь.

Вспоминаю, что у нас даже была своя типография, и мы выпускали свои научно-технические сборники.

Как положено, были у нас и общественные организации: партком и профком.

Я не был членом КПСС и о деятельности парткома имею смутное представление, а профком был очень полезной организацией. Лично я неоднократно пользовался соцстраховскими путевками в дома отдыха и альпинистские лагеря. Профком оказывал большую помощь сотрудникам в занятиях тем или иным видом спорта. Приобретался инвентарь, организовывались и финансировались выезды на соревнования, при этом профком мог освободить сотрудников от работы в дни соревнований. Вспоминаю совсем уж сумасшедшие по нынешним временам мероприятия, оплаченные профкомом: выезд на

Кавказ команды из 10 участников для восхождения на Эльбрус и выезд в Геленджик команды для участия в соревнованиях по спортивному ориентированию. Завоеванные нашими спортсменами грамоты и кубки гордо пылились под стеклом в профкоме в качестве отчета о спортивной работе.

Занимался профком и культурно просветительной работой на предприятии. Организовывалось чтение лекций по линии общества «Знание» (обычно скучные и штампованные), распространялись билеты в театры и т.д. Но однажды удалось завлечь по какому-то знакомству самого Высоцкого и актеров театра на Таганке. Вознаграждение, включая коньяк и закуску, актерам обеспечил Профком. Участвовал Профком и в распределении выделенных НИИ квартир. В Профкоме был список сотрудников, нуждающихся в жилье. Конечно, очередность в этом списке неоднократно «уточнялась» за счет квартир, отданных номенклатурной публике, что вызывало естественное негодование простых очередников, но все же очередь двигалась, и многие сотрудники НИИ, в том числе ваш покорный слуга, смогли бесплатно улучшить свои условия жизни. В наше время подобная деятельность Профкома воспринимается сказкой, а мы, вспоминая, многим были недовольны.

Над всеми отделами и общественными организациями был присмотр в виде отдела режима. Чем менее эффективно работал НИИ во времена Лисина, тем крепче становился надзор, а число сотрудников этого отдела все росло и росло. Вспоминаю время своего поступления в НИИ. Мне кажется, что за режим, по факту, отвечал тогда один человек, начальник 1-го отдела – небезызвестный Александр Матвеевич Бубенин, других режимщиков не припоминаю. А.М. был фигурой колоритной и примечательной. Внешне, усами, А.М. напоминал польского водопроводчика Валенсу. А.М. не производил впечатление особо настырного чекиста, хотя напускал на себя строгий вид. Был человеком не амбициозным и верным служакой, простым и грубоватым, иногда, впрочем, в нем проявлялось какое-то добродушие. С молодыми сотрудниками разговаривал назидательным языком, мог и с матерком. С начальниками вел себя почтительнее, знал субординацию. Он не был похож на особистов новой генерации с их иезуитством. Как такой не очень далекий человек мог 20 с лишним лет продержаться в своем кресле, не знаю. Может за прежние заслуги системе? Говорили, что до прихода в НИИ А.М. руководил концлагерем. В НИИ к нему относились, хоть и настороженно, но без особой опаски, а в разговорах - с юмором.

Со мной А.М. был на «ты». Иногда пытался взять на понт: «Ты, Солошек, думаешь, я ничего не знаю? У меня везде есть свои люди. Я все ваши разговорчики знаю. Мне просто твою характеристику не хочется портить». Как-то у меня вытащили кошелек, а там личная печать, выданная Первым отделом. Прихожу к А.М., рассказываю ситуацию. «Что ты от меня хочешь, получить выговор? Иди и ищи печать!» Чего искать, говорю, я знаю, что печати нет. «А я говорю, ищи. Отодвинь от стены всю мебель, пошарь под кроватью». Я все понял, достал 100 грамм спирту и пошел на производство к знакомому мастеру. Через пару дней заимел печать. Как-то в 1-м отделе встречаю Бубенина и говорю, что отодвинул мебель и нашел печать. «Я же говорил», улыбается Бубенин, «А ты на выговор напрашивался». О способе нахождения печатей он, я думаю, был в курсе, но не хотел огласки.

Законы жизни большого коллектива изучает наука социология, которая изучает отношения сотрудников между собой: начальников и подчиненных, мужчин и женщин, партийных и беспартийных, увлеченных работой и индифферентных к ней, да мало ли что еще. Но мы частицы этого коллектива и наш взгляд изнутри. И взгляд, конечно, субъективный. Вот описал я деяния наших директоров. Уверен, что другие 10 сотрудников дадут 10 других оценок руководителям, может быть противоположных. А что есть правда? Не знаю. У каждого своя правда.

Коллектив в 60-70-х гг был в основном молодежный. Здоровья молодых сотрудников хватало и на работу, и на другие интересные мероприятия. Но по мере

взросления начинаешь задумываться и о материальной стороне жизни, и о своей реализации в коллективе. Каждому хочется реализоваться, а как? Кто-то пошел по научной дороге, корпел над книгами, защищал диссертации, кто-то просто толковый инженер с организационными способностями, кто-то, не имея этих способностей, двигался по общественной стезе. Во времена Биленко и Лисина партийность, участие в общественной жизни, верность руководству очень ценились. И чтоб не очень умничал. И не дай Бог, если на руководящую должность пролезет еврей. Тогдашняя генеральная установка на этот счет была хоть и негласной, но вполне определенной. А у нас еще со времен Ефимова евреев было предостаточно, значительно больше, чем в среднем по отрасли. Люди образованные, шустрые, они составляли значительную часть в среднем руководящем звене.

В связи с этим нашему руководству не раз делались представления со стороны вышестоящих режимных органов о недостатках в кадровой политике. Но, если Гусев и Быков, могли эти указания как-то толковать по-своему и смягчать ситуацию, то Биленко и, особенно Лисин, не хотели иметь неприятностей с режимом, да и по своим личным убеждениям полагали, что еврейское присутствие надо сокращать. Когда Лисин был руководителем отделения микроэлектроники, а я был у него нач.отдела, его позиция на этот счет мне представлялась очевидной.

А.В. начал свою деятельность в отделении с кадровых решений. Нач.сектора Самурину, женщину умную и властную, управлять которой было нелегко, заменили на молодого (тогда) Ю.Д.Колоколова, нач. отдела Азарх поменялся ролями с нач. сектора Евдокимовым ит.д.. По исполняемой работе и в зарплате ничего не для замененных сотрудников не поменялось, зато кадровая статистика улучшилась. Такая политика приветствовалась и в других, особенно в системных, подразделениях. Но евреи были разные. Вспоминаю творческих специалистов высокой квалификации, с которыми мне приходилось общаться: Вильям Каганов, Миша Зильбер, Роман Драбкин, Саша Соморов, Иосиф Айнбиндер, Саша Вильшанский, Володя Лурик и др. С уважением вспоминаю начальников отделов: ЦКО – Шаровского, ОТК – Б.Копелянского, архива – Дульмана и др., которые в свое время вполне были на своем месте и многое сделали для становления НИИ. Были и такие евреи, без которых даже Биленко было бы трудно. Вспоминаю М.С. Немировского, который был идеологом системных и аппаратных решений, принятых для системы связи «Корунд» через спутники типа «Молния», а затем технических решений, принятых для ЕССС, в том числе построения помехозащищенных бортовых РТР для ИСЗ типа «Глобус» с обработкой на борту. Немировский пользовался безоговорочным уважением и поддержкой всех наших директоров. Но, если речь заходила об административном повышении по службе или распределении премий и наград высшего достоинства, то начальство чесало затылок, вдруг будут проблемы, и приходилось подыскивать «зитц-председателя», чтобы награда не ушла из НИИ. Зато «органы» были удовлетворены, кадровая статистика в норме. Правда, ради справедливости отметим, что сам Немировский не очень-то и рвался в большие начальники.

В результате такой кадровой политики из НИИ выдавили немало талантливых специалистов, к примеру, Лию Самурину, Сашу Вильшанского и многих других. Пять раз увольняли моего бывшего руководителя И.М.Айнбиндера, правда, всегда восстанавливали, уволить ветерана ВОВ по нашим законам невозможно. Уволенный из НИИ Вильшанский, уехав в Израиль, стал ведущим специалистом в «Технионе», одном из самых авторитетных на Западе научно-прикладных технических центров. А что, России он не мог быть полезен? Контроль спецслужб за работниками режимных предприятий конечно нужен, кто спорит, но ограничения того времени по национальному признаку не только противоречили провозглашаемой идеологии, но просто были вредными с практической точки зрения.

Когда я появился в НИИ, в коллективе было еще много бывших фронтовиков и сотрудников, в основном женщин, трудившихся во время войны и первые послевоенные годы. Народ этот, с одной стороны, был серьезным и ответственным, но в официальные праздничные мероприятия мог и водочки выпить, и песни попеть, и потанцевать. Обычно

«разогрев» проходил в стенах лабораторий (формально, выпивки были запрещены), а потом уже веселый народ вываливался из родных стен в конференц-зал, где после скучной официальной программы начинались танцы. Молодые ученые робко жались к стеночке, а тон задавали более зрелые мужи. Помню, мой бывший руководитель И.М.Айнбиндер в неизменно белой сорочке и черном костюме кружил дам в вальсе, потом подходил к своим молодым инженерам и издевался по поводу нашей нерешительности. Самыми активными на танцах были молодые женщины и, надо сказать, что немало моих сослуживцев нашли свои половинки именно после таких неформальных мероприятий.

Для отдела режима эти народные гулянья оборачивались головной болью: то вдруг мордобой, то в темном уголке прижмут какую-нибудь даму, то не выключат свет в лаборатории, кто-то перепил и требуется помощь и.т.д. С течением времени, когда коллектив удвоился или утроился для праздничных мероприятий стали арендовать залы на стороне, но праздники потеряли свой уютный, домашний характер.

Как и положено на режимном предприятии у нас была охрана на входе и соблюдался распорядок дня. Охранниками работали женщины, одетые в военную форму. Они числились в кадрах как «бойцы». Женщины как женщины, мыслями погруженные в свои заботы. Но был среди них один «боец», помнится по фамилии Кочур. Ни один подвыпивший работяга не мог проскочить мимо нее ни в ту, ни в другую сторону, опоздавшего хоть на 5 минут, разворачивали в бюро пропусков за квиточком (потом приходилось писать какие-то объяснительные) и как бы не запрятывалась какая-то нужная для дома деталь или бутылка для лабораторного выпивона, «боец» Кочур каким-то невероятным образом все обнаруживала, за что получала благодарности и премии от руководства. Некоторые «хозяйственные» сотрудники, вечно что-то тащившие по мелочи для дома, для семьи, специально дожидались смены, когда Кочур отдыхала.

Еще один «режимный» эпизод. Биленко очень раздражали вечные толпы болтающих курильщиков на площадках лестниц, особенно по утрам. Нерабочая какая-то атмосфера. И вот отдел режима придумал: запретить выходить из комнат отделов с 9-00 до 11-00. Дескать, это самое продуктивное для работы время. Чтобы проследить за исполнением режима отделы заставляли выделять дежурных, как правило, это были женщины. Однажды дежурные, женщины, которые в лицо не знали директора, поймали А.П., в неположенное время шагающим по коридору, и задержали его. А.П. пробовал отшутиться, но не тут то было. «Мы не знаем какой идиот это все придумал, но мы обязаны Вас задержать» - заявила ему одна дама. Об этом со смехом рассказал нам сам Биленко. Распоряжение по дежурству в коридорах он тут же отменил.

Я вспоминаю, что в коллективах довольно популярны были междусобойчики в обеденный перерыв с алкоголем по поводу дней рождения, повышения в зарплате, да мало ли еще чего. Режим такие мероприятия запрещал, начальники подразделений тоже не одобряли т.к. остаток рабочего дня был уже не очень рабочим. Поэтому некоторые товарищи отправлялись «отмечать» в обеденный перерыв за стены НИИ, в ближайший сквер, а то и на детскую площадку (лавочки уже готовы). Нашлась такая компания и у нас в составе Юры Коптева, Славы Маслова и Коли Данченкова. Взяли они стандартные пол-литра и сели на лавочку в сквере на Абельмановской отметить свое повышение. Проходящая мимо серьезная дама сделала им внушение. Наша компания, будучи уже навеселе, послали ее куда-то далеко. Возмущенная дама привела милиционера (какое время было!). Милиционера они тоже послали, а Юра Коптев даже пытался, как он объяснял, поправить милиционеру галстук. Милиционер юмора не понял и вызвал наряд.

Посадили нашу троицу в мотоцикл с коляской и, как в известном фильме Гайдая, увезли в отделение. Поскольку в отделение они тоже прибыли в приподнятом состоянии. милиционеры для начала своими методами привели их в чувство (особенно досталось Коптеву, которого методично избивали) и бросили в КПЗ.

При проверке документов выяснилось, что Маслов и Данченков члены КПСС. Поэтому их слегка пожурили и выпустили на волю. А беспартийного Коптева оставили в

КПЗ отвечать за, якобы, нападение на милиционера. А как объяснить следы побоев на Коптеве? Он буйный, сказали нам в отделении, и бился головой о стену. Почерк милиции мало изменился с тех времен. В общем, бедному Юре грозило уголовное дело. Тогда, на следующее утро наш нач.лаб., Айнбиндер И.М., нацепив на себя все фронтовые ордена, отправился к нач. отделения милиции. О чем они беседовали не знаю, но Юру он привел с собой. А через пару дней мы собрали собрание коллектива НИО и взяли хулигана Коптева на поруки и перевоспитание. И сейчас, по происшествию многих лет жизни, мы иногда подшучиваем над Юрием Николаевичем, вспоминая этот эпизод.

Были мы люди молодые, в меру легкомысленные, но ведь и работать умели. Увлекались спортом: лыжами, альпинизмом, спорториентированием и др. В составе МНИИРС было немало сильных альпинистов, даже чемпионов Союза и восходителя на Эверест, но это уже другая песня.

Список сокращений:

НИИ – Научно-исследовательский институт
ОФТ – относительная фазовая телеграфия
ЭВМ – электронно-вычислительная машина
УКВ – ультракороткие волны
ДЦВ – дециметровые волны
ВПК – военно-промышленный комплекс
ОКР – опытно-конструкторская разработка
ЕССС – Единая система спутниковой связи
ГОСТ, ОСТ – государственный общесоюзный стандарт
с.н.с. – старший научный сотрудник
БРТР – бортовой ретранслятор
РТР - ретранслятор
ИСЗ – искусственный спутник Земли
РКК – ракетно-космический комплекс
ЛБВ – лампа бегущей волны
МНИИРС (он же НИИ-695) – Московский НИИ радиосвязи
КИК – командно-измерительный комплекс
КВ – короткие волны
СВ – средние волны
АФАР – антенная фазированная решетка
НИИС – НИИ связи
НИО – Научно-исследовательское объединение (отделов)
ГПКС - Федеральное государственное унитарное предприятие «Космическая связь»
АФУ – антенно-фидерное устройство
ФАР – фазированная антенная решетка
СВЧ – сверхвысокие частоты
РНИИ КП – Российский НИИ космического приборостроения
ФГУП – федеральное государственное унитарное предприятие
ЦКО – центральный конструкторский отдел
ОТК – отдел технического контроля